

Глеб Иванович Успенский

Маленькие недостатки механизма

Бог грехам терпит

Глеб Успенский

Маленькие недостатки механизма

«Public Domain»

1882

Успенский Г. И.

Маленькие недостатки механизма / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1882 — (Бог грехам терпит)

«...Такие порядки весьма удобны и выгодны для буфетчика: публика набирается на пароходе постепенно, «по человечку», а поэтому нет расчета запираеть буфет, чтобы не отпирать его по двадцати раз в сутки. А буфет, беспрестанно находящийся пред глазами «пассажиров», которым «некуда спешить», над которыми «не каплет», едва ли может бездействовать. Иной глядит-глядит на расставленные напитки, да и скажет: «Ну-ко, налей-ко! И пить-то, братец мой, не хотел, да бутылка заинтересовала... Что такое там? Дай-ко рюмочку»...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Глеб Иванович Успенский

Маленькие недостатки механизма

– Я так думаю: который человек ни в чем не виновен, и того человека наказывать не за что. А который ежели есть преступник или, так сказать, злодей какой-нибудь, так того наказывай. Больше ничего...

Такие речи с толком, серьезностью и расстановкой вел буфетчик небольшого пароходика «Окунь», сидя в своей, установленной посудой, каморке и разрезывая на подоконнике квадратного окна своего буфета маленький белый хлеб на тонкие ломтики. Пароходик «Окунь», делающий от станции железной дороги по реке Выдре до губернского города М. всего один рейс в сутки, никогда не бывает богат пассажирами. Мало охотников сидеть по несколько часов в пароходной каюте, ожидая той минуты, когда, наконец, наберется «по человечку» столько народу, что расходы пятидесятиверстного плавания не принесут хозяину «Окуня» убытка. Нетерпеливые проезжие, минуя пароходик, предпочитают ехать до города М. на лошадях или же по ветви железной дороги, которая идет от следующей станции до главного пути. Таким образом на «Окуне» едет только такой проезжающий, которому некуда спешить, которому все равно, сегодня ли приедет в город или завтра, который, наконец, даже любит ехать покойно, не в тесноте, а в просторе, – на «Окуне» же всегда так просторно, что можно разлечься «вовсю», выспаться, раздевшись совсем, и т. д. Такие порядки весьма удобны и выгодны для буфетчика: публика набирается на пароходе постепенно, «по человечку», а поэтому нет расчета запирать буфет, чтобы не отпирать его по двадцати раз в сутки. А буфет, беспрестанно находящийся пред глазами «пассажиров», которым «некуда спешить», над которыми «не каплет», едва ли может бездействовать. Иной глядит-глядит на расставленные напитки, да и скажет: «Ну-ко, налей-ко! И пить-то, братец мой, не хотел, да бутылка заинтересовала... Что такое там? Дай-ко рюмочку». А раз буфет не бездействует, то и пассажиры, по несколько часов ожидающие, когда-то засвистит комар-пароходик, также не могут безмолвствовать; всегда поэтому волей-неволей все переезжающие на «Окуне» перезнакомятся между собой и в конце концов непременно сольются в одну разговорчивую компанию.

Так было и в тот раз, о котором идет речь. В каюте второго класса, около буфетного окна и за столиками, сидело и лежало на диванах человек десять разного народу. Было тут два каких-то военных, похожих по виду и разговору на переодетых купчих – так были они рыхлы, женственны, да и разговоры их были не воинственные: всё о провианте, «довольствии», о несправедливости, об интригах, мелких-премелких – из-за сена, из-за дрожжей для солдатского квасу и т. д. Были тут купцы, мещане, человека четыре «живорезов», сидевших особою группой за чаем и отрывисто лаявших насчет своих «делов»: «Два-шесть с четью». – «Руппять» – «Сдал?» – «Сдал!» – «Снял?» – «Снял». А в промежутках этого лая – громкая, как отдаленный раскат ружейного залпа, икота... Ехал еще один молодой человек, с которым мне пришлось познакомиться на железной дороге и с которым впоследствии мне пришлось сойтись довольно близко. Из его разговоров я мог заключить, что жизнь его, несмотря на молодые годы, прошла не без приключений. Он, повидимому, был очень утомлен физически и отдыхал, посещая своих родственников, принадлежавших к сельскому духовенству. В настоящее время он ехал к сестре, муж которой был священником какого-то села, расположенного на реке Выдре.

Некоторое время беседа между пассажирами, присутствовавшими в буфете, шла довольно вяло и не представляла ни малейшего интереса. Офицеры жаловались на то, что они каждый год доплачивают из «своих», и блистали друг перед другом бескорытием, а живорезы лаяли и икали, – вообще было довольно скучно. По какому случаю буфетчик произнес фразу, написанную в начале этого очерка, решительно не помню и не знаю. Разговора, по поводу которого она была произнесена, я не слышал и не знаю, о чем шла речь прежде, нежели буфетчик

счел нужным произнести свое мнение о наказании; но мнение это почему-то пробудило во мне и, как я заметил, в молодом человеке желание слушать, что такое тут говорят.

Нарезав хлеб тонкими ломтиками и тщательно собрав толстым ребром толстой руки сор, буфетчик принялся нарезать тоненькие ломтики сыру и говорил с тою же, как и прежде, серьезностью:

– Такое мое мнение. Невиноватого, который не достоин наказания, того, позвольте спросить, за что же его я буду истязать?

– Это верно! – проговорил какой-то купец, сидевший за бутылкой пива.

– Что же касается до того, – продолжал буфетчик, – когда мы встречаем какого-нибудь подлеца, тогда, сделай милость, соблюди закон вполне!

– Само собой, нечего жалеть подлеца!

– Опять возьмите и то: ведь наказать человека – хитрость не велика, позвольте вам сказать. Взял, засадил его в темную или там всыпал горячих – это труда не составляет. Хитрости тут большой нет... А надо сначала узнать, дознаться, до корня дойти, виновен ли, мол, ты или же нет – вот что есть главное!.. Положим, что ты выпорол или запер человека, а впоследствии времени оказывается он не виновен. Хорошо ли это? Но коль скоро ты разобрал, достиг, например, тогда хоть в землю его живого закопай, и то будет по закону!.. А не разобравши дело, да истязать человека – так тут хитрости большой нету. Вот как я думаю. Не прикажете ли бутербродик?

Тарелка с бутербродами была протянута по направлению к господам военным, которые ближе всех сидели к буфету.

– Пожалуй! – нехотя сказал один из них и, подумав, прибавил: – кстати, налей уж и рюмочку вот этой, вон в зеленой бутылке... Попробовать, какая такая... А вы-то что ж?

– Да пожалуй, – еще более нехотя проговорил другой военный, – налей уж и мне...

И так они нехотя, от нечего делать, выпили и закусили. А буфетчик принялся производить какие-то операции над куском ветчины, на которую предварительно дунул, и продолжал:

– Надобно разобрать, а не зря... Бывает так, что ежели ты делаешь свой суд с разбором, то и самый, который видимый злодей – и тот оказывает свою невинность... Не разобравши-то дела, его бы, кажется, повесить надо, а разберут да обсудят, так он и чист. А так-то, не разобравши-то делов, да предать наказанию – тут правды, я так думаю, нет нисколько! Почему же в таком случае делается суд и утверждается судебный чин? Изуродовать человека занапрасно – это всякий мастер; а ты разбери, а потом уж и утверди... Вот у нас на пароходе малый служит один. Был с ним грех – убил он человека. За это что по закону-то? – Удавная петля, подземные рудники!.. Так ведь? А между прочим вон он чист и прав, а почему? – Потому вникли и разобрали... Вот я вам позову его самого. Поглядите, пусть расскажет.

И выйдя на площадку, с которой поднималась на палубу винтовая лестница, он громко крикнул:

– Михайло, поди-ко сюда! Поди на минутку!.. Вот пушай сам скажет.

Михайло явился в одно мгновение. Он, очевидно, играл в трынку¹ с приятелями, так как в руке у него были засаленные карты. Это был здоровый, молодой, с наивнейшим, почти детским лицом, парень. Босыми крепкими ногами, высывавшимися из коротких ситцевых, розового цвета, панталон, он, как птица, вспорхнул по железным ступеням лестницы и, распоясанный, стал перед хозяином, видимо торопясь поскорей уйти, чтобы продолжать игру. Вся фигура его и выражение лица говорили, что игра – «в разгаре» и что игроки «в азарте».

– Чиво? – поспешно спросил он.

– Поди сюда, поди поближе.

– Говори: чего?.. Я и тут слышу.

¹ Трынка – азартная карточная игра.

– Да подвинься в каюту-то, столб этакой! Успеешь отыграться. Поди, расскажи господам, как ты старика убил.

– Тьфу, ты!.. зачем звал. Я думал... Эка нашел разговор!.. Стану я...

И парень быстро направился на лестницу, но буфетчик захватил его за рубаху.

– Стой! погоди минуту... Что ты, пес этакой? Ведь тебя честью просят.

– Есть чего... пустова вспоминать.

– Для чего тебе вспоминать?.. Ты расскажи, как было дело-то. Ты у купца, что ль, жил в ту пору?

– Чего жил? Только что в тот день на место к нему стал, а даже нисколько еще не жил...

– Ну, ну стал... Ну как дальше?

– Ну, а дальше больше ничего... Стал к нему на место, значит, караулить дрова... У купца-то дровяной двор был, может на несколько сот али тыщ... Миллионщик купец-то.

– Где дело-то было? Где купец-то живет?

– В Москве... В Москве жил... Вот я прямо из деревни к нему и попал... Что мне тогда?

Почитай и шашнадцать годов не вышло... Попал я к нему, он и говорит: «Смотри, мальчонка, будешь стараться – награжу, а будешь ворам потакать – произведу по-свойски. Похвалы у меня на это нет, а прямо разобью всего вдребезги. А коли ежели будешь стараться, через месяц прибавку дам. Не спи, бает, по ночам, глаз не смыкай и, как завидишь вора, дуй его по чем ни попало!..» А допреже того у купца всё дрова воровали разные прочие жулики. Ну вот я и слушаю его... А как мне не слушать? Не от сладкого в город-то идем. Попало место, надо стараться, чтобы как лучше, чтобы хвалили да денег побольше давали, а не то чтобы ругали или били. Ну вот и стал по наставлению его думать. Уделал себе дубину – из дров вытащил этакую штуку в тринадцать четвертей, с корнем попалась. Обладил, значит, обчистил, приспособил; пришла ночь, надел полушубок и пошел... Ночь осенняя, темная... Ходил, ходил, слышу – шевелится. Okликнул, не говорит. Думаю: притаиться хочет; я подошел, да и долбанул его смаху, стало быть сбоку, да еще раз сверху вниз тоже стеганул; он и запищал, как заяц. Н-ну, опосля того я было потыкал его комлем-то, потыкал этак-то; ночь темная, ничего не видно, только что-то мягкое... А голосу не подает... Ну, как не подал он мне голосу, пошел я к хозяину доложить... Хозяин-то еще не ложился... Пришел я к нему. «Вот, говорю, никак вора и пришиб. Кто-то, говорю, округ дров шабаршил, а я его и долбанул... Ну, гласу, говорю, не подает, а только что запищал было малость по-заячьи»... Н-ну, хозяин позвал кучера, велел пойтить с огнем посмотреть, что там такое... Пошли... Ну и видим – человек нищий... А я чем виноват? Мне сказано – бей! Разве я могу послушаться? А ежели он бы украл, тогда как?.. Тогда, может, меня бы...

– Да ну тебя!.. Ты говори дело, а не рассуждай. Говори, что было дальше...

– А дальше было, что как оглядели мы человека... одним словом, голова расшиблена, и рука болтается... Вспомнить даже нехорошо, перед богом!.. Ну, оглядели; кучер и говорит: «Надо хозяину доложить». Пошел я к хозяину и говорю: «Так и так. Расшиб человека...» – «Неужто до смерти?» – «Так точно...» Ругал-ругал он меня; говорит: «Иди, объявись в части». Ну, пошел я опосля того в часть... Искал-искал участка – пропади он – насилу нашел. Пришел, все спят. Ждал, ждал, наконец того, выходит какой-то... Стал меня у спрашивать: «Зачем?» Я говорю: «Так и так. Пришиб человека». Ну, рассказал ему – что мне? Нешто я виновен? Что мне его бить-то?.. Рассказал. Ну он записал. «А дубина, говорит, где?» – «А дубина, говорю, там в куфни осталась». – «Пошел, принеси дубину! Она также требуется». Пошел. Принес им. Отдал. Ну, посадили в темную. Поутру связали руки, повели в другое место. Опрашивали. Ну, что у меня спросят, то я отвечал. Через два месяца суд был. И опять все то же. «Ты убил?» – «Я». – «Как?» – «Да вот так: сначала, мол, в бок, должно быть, я его – ну, а потом по темю». – «Чем?» – «Дубиной». – «Признаешь?» – «Она самая». – «Виновен ли ты?» – «Чем я виновен?

Сказано, бей! – я и бью... Нам что прикажут, то мы и исполняем»... Подумали, посудили, писали, говорили, потом вышли и говорят: «Ну, ты не виновен, ступай!» Ну, я и пошел...

– А купец?

– Купца было тоже притянули, только он говорит: «Как же не караулить? У меня в дровах капиталы... Воровство беспрестанно... Полиции не дозовешься... А почему я знал, что он эдак караулить будет?..» Ну а я-то почему знал, что там такое? Слышу – шабаршит, я его и хлестнул... Так и вышло дело: и я не виновен, и купец не виновен... Ну только, жид эдакой, не взял меня к себе потом. «Ты, говорит, больно уж серьезно взялся служить. Я тебе только посулил шесть целковых, а ты и то уж человека убил; а как я тебе деньги-то в руки дам, так ты, пожалуй, и не таких делов наделаешь с дубиной-то своей!» Взял солдата, а меня отослал... Вот жид какой!.. Ну, чего еще вам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.